

Патрушев Сергей

AEOLISATE

Параллельный мир. Любовь

Сергей Патрушев

Параллельный мир. Любовь

«Автор»

2026

Патрушев С.

Параллельный мир. Любовь / С. Патрушев — «Автор», 2026

Ксения, уставшая от серой рутины, находит тайный механизм в заброшенном НИИ и случайно открывает дверь в мир, где физика подчиняется иным законам. Спасаясь от безликой власти Континуума, она находит союзника — контрабандиста Евгения. Между ними вспыхивает чувство, способное разрушить саму ткань реальности. Теперь они самые разыскиваемые аномалии в двух мирах. Чтобы выжить и быть вместе, им предстоит объявить войну богам, нарушить законы вселенной и сжечь идеальный мир дотла ради права на один настоящий поцелуй.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Эхо забытых экспериментов	5
Глава 2. По ту сторону физики	14
Глава 3. Незнакомец в толпе	23
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Параллельный мир. Любовь

Глава 1. Эхо забытых экспериментов

Сентябрьский дождь в Москве — это не стихия, а состояние души. Он не хлещет, не бьет по стеклам, а лишь монотонно, с глухой тоской натирает асфальт, превращая город в размытую акварель. Для Ксении этот дождь был идеальным саундтреком к ее собственной жизни. Двадцать пять лет, диплом престижного экономического вуза, должность младшего аналитика в отделе логистики транснациональной корпорации и съемная студия в спальном районе, где единственным видом из окна была серая стена соседней многоэтажки.

Рутина засасывала не как воронка, а как медленно застывающий бетон. Каждый день был калькой предыдущего. Шесть тридцать — будильник. Семь ноль-ноль — кофе из кофемашины, который всегда получался слишком водянистым. Восемь пятнадцать — переполненное метро, где чужие локти и чужие мысли давили со всех сторон. Девять ноль-ноль — экран монитора, таблицы Excel, графики поставок полимеров из Омска в Шанхай. Ксения знала о логистике полимеров больше, чем о собственных желаниях.

Она чувствовала, как ее собственная личность, некогда яркая, шумная, полная дерзких планов, истончается, как старая калька. Она перестала читать книги, потому что буквы расплывались перед глазами от усталости. Она перестала встречаться с друзьями, потому что их разговоры о стартапах, путешествиях и новой любви казались ей репортажем из параллельной вселенной.

Спасение пришло из неожиданного источника. Разбирая старые вещи на антресолях, оставленные предыдущими жильцами, Ксения наткнулась на пожелтевший, плотный конверт без обратного адреса. Внутри лежали три предмета: пропуск в Научно-исследовательский институт «Синтез-4» на имя некоего А. В. Громова, датированный 1987 годом, и сложенный вчетверо лист миллиметровки. На миллиметровке от руки был нарисован план местности — район на востоке Москвы, уже давно поглощенный новыми жилыми комплексами. Но один квадрат, обведенный красным фломастером, не совпадал ни с одной современной картой. Это было старое, еще советское, трехэтажное здание, отмеченное как «Объект Б-12. Лабораторный корпус. Архив».

Интернет, обычно равнодушный ко всему, что не касается потребления, на запрос «Синтез-4» выдавал лишь сухие строчки: «закрыт в 1991 году в связи с сокращением финансирования», «направление исследований — материаловедение, теоретическая физика». Форумы сталкеров и любителей заброшек хранили лишь обрывки слухов. Говорили, что в подвалах «Б-12» проводили эксперименты с пространством. Говорили, что институт просто испарился вместе с персоналом за неделю до официального закрытия. Говорили, что здание стерто с лица земли.

Ксения посмотрела в окно. Дождь усилился. Она открыла корпоративный мессенджер, написала начальнику, что у нее поднялась температура, и легла в кровать, не раздеваясь. Впервые за три года она не пошла на работу, сказавшись больной, будучи абсолютно здоровой. Это было первое неповиновение системе за долгие годы, и оно пьянило лучше любого вина.

Здание она нашла на границе старого, доживающего свой век гаражного кооператива и котлована под новую эстакаду. Оно действительно не значилось ни на одной карте. Обнесенное покосившимся бетонным забором с остатками колючей проволоки, поросшее диким, агрессивным кленом, оно выглядело не как памятник архитектуры, а как гнилой зуб в челюсти города.

Вскрыть заржавевшую дверь в подвал оказалось делом двадцати минут и одной монтировки, найденной тут же, в куче строительного мусора. Тяжелый металл поддался с протяжным, болезненным скрежетом.

Вниз пахнуло сыростью, застоявшимся воздухом и чем-то еще — озоном, словно после удара молнии, и сладковатым запахом тлена. Луч мощного тактического фонаря, который Ксения купила накануне, выхватил из темноты бетонные стены, покрытые черной, влажной слизью.

Подвал оказался циклопическим. Это был не просто погреб под трехэтажным зданием. Сводчатый потолок уходил вверх метров на десять, теряясь во мраке. Пространство было заставлено стеллажами из толстого железа. На полках, под слоем пыли, лежали оплавленные стеклянные колбы, мотки медной проволоки, пожелтевшие журналы с записями, которые Ксения не могла разобрать из-за странных, угловатых символов, напоминающих одновременно математические формулы и клинопись.

Здесь не было хаоса бегства. Здесь был порядок остановленного времени. Будто лаборанты просто положили свои инструменты и вышли на обед, из которого так и не вернулись.

Ксения шла между стеллажами, и ее шаги эхом возвращались к ней, искаженные и размноженные бетонным лабиринтом. Она чувствовала себя крошечной, ничтожной. Вся ее жизнь, ее нелюбимая работа, ее ипотека в будущем, ее усталость — все это казалось пылинкой по сравнению с этой молчаливой, монументальной заброшенностью.

В дальнем конце подвала, за стеллажами, она увидела его.

Механизм не был похож на прибор. Он был похож на алтарь или на вырванное из чрева земли механическое сердце. Восьмигранная платформа из потемневшего, не поддающегося коррозии металла, около трех метров в диаметре. В центре платформы возвышался массивный тороид — кольцо из того же металла, внутри которого в абсолютной неподвижности висела сфера из черного, как вакуум, стекла. От тороида к краям платформы шли желоба, в которых застыли толстые кабели.

Но механизм был мертв. И искалечен. Ксения провела лучом по стыкам. Три из восьми сегментов внешней обшивки были вырваны с мясом, обнажая сложные переплетения оптоволокон и золотых контактов. В самом центре, там, где сфера крепилась к невидимому основанию, зиял пустой слот размером с человеческую ладонь. Рядом с механизмом, на бетонном полу, лежали три тяжелых латунных бруска, покрытых замысловатой резьбой. Ксения подняла один. Он был ледяным и весил неестественно много для своего размера, словно был сделан из свинца и гравитации. Детали. Очевидно, это были те самые недостающие детали. Но их было три, а слотов, судя по симметрии, должно было быть восемь.

Она обошла платформу кругом. На полу, у самого края, валялся предмет, который она поначалу приняла за кусок оплавленного пластика. Подняв его, Ксения поняла, что это не пластик. Это была кость. Или что-то, что выглядело как кость — идеально гладкая, белая, полированная до блеска, изогнутая в форме сложного интеграла. Она была теплой. Не нагретой от фонаря, а живой, хранящей внутренний жар.

Ксения не была инженером. Она была младшим аналитиком. Ее работа заключалась в том, чтобы сопоставлять данные. Сейчас перед ней была разорванная цепь. Механизм — это система. Детали — переменные. Кость — проводник.

Логика, въевшаяся в нее за годы работы с таблицами, требовала завершить уравнение. — Если подать потенциал на разомкнутый контур, — прошептала она в пустоту, и ее голос дрогнул, — система должна либо сгореть, либо активизироваться.

Она не думала о радиации, о ловушках, о том, что здание может обрушиться. Рациональный ум Ксении отключился, уступив место чему-то древнему, иррациональному, тому самому импульсу, который заставляет людей шагнуть с обрыва, чтобы проверить, растут ли за спиной крылья.

Она взяла полированную кость. Ее пальцы сами легли на изгибы, идеально совпав с анатомией предмета. Подойдя к платформе, Ксения встала на колени перед зияющим центральным слотом.

Она заглянула внутрь. Там, в глубине, что-то едва заметно пульсировало тусклым багровым светом, хотя никакого источника энергии у механизма быть не могло.

Ксения занесла кость над слотом. — Прости, — сказала она то ли механизму, то ли самой себе за то, что сейчас разрушит этот совершенный покой.

Она вставила кость в паз.

Сначала ничего не произошло. Кость вошла плотно, с сухим щелчком, от которого по руке Ксении пробежал легкий, покалывающий разряд.

А затем из тороида раздался звук.

Это не был гул мотора. Это был звук ломающегося пространства. Низкий, утробный, вибрирующий на частоте, которую не воспринимали уши, но ощущали зубы и кости черепа. Пол под ногами Ксении мелко завибрировал. Пыль на стеллажах взмыла в воздух, закручиваясь в невидимые спирали.

Сфера внутри тороида, до этого абсолютно черная, начала наливаться светом. Но это был не свет лампочки. Это была густая, осязаемая синева, похожая на сгусток плазмы или на застывшую молнию. Свет пульсировал в такт вибрации, и с каждым ударом пульса Ксения чувствовала, как давление в ее собственных барабанных перепонках меняется.

Желоба по краям платформы вспыхнули мертвенно-белым. Застывшие кабели начали плавиться, но не как провода от перегрузки, а как воск, на который направили пламя свечи — они текли, сохраняя свою форму, превращаясь в светящиеся нити.

Восьмигранная платформа медленно, со скрежетом, который не мог издавать металл, начала вращаться. Сначала на долю градуса, затем быстрее.

Ксения попыталась отшатнуться, отползти назад, но ее ноги словно вросли в бетон. Это был не паралич страха. Гравитация вокруг механизма изменилась. Ее неумолимо тянуло к центру, к пульсирующей синей сфере.

И тогда стена за механизмом начала меняться.

Бетон не исчез. Он просто перестал быть преградой. Прямо в массиве несущей стены, в двух метрах от платформы, реальность пошла рябью, как поверхность воды от брошенного камня. Прямоугольник высотой в человеческий рост и шириной в полтора начал истончаться, теряя свою материальность.

Ксения видела то, что находилось за стеной — заваленный мусором двор гаражей, мокрый асфальт, ржавую «Волгу». Но это изображение дрожало, двоилось, наслаиваясь на что-то иное.

Вибрация достигла пика. Звук стал невыносимым, он проникал в мозг, вымывая оттуда все мысли о работе, о дожде, о съемной студии. Остался только этот синий свет и нарастающий, сводящий с ума резонанс.

Платформа вращалась уже с бешеной скоростью. Механизм пел на языке электрических дуг и рвущегося металла. Синий свет в тороиде вспыхнул в последний раз, ослепительно и абсолютно беззвучно.

В этот момент кость в центральном пазу вспыхнула неоном.

Пространство в проеме стены схлопнулось внутрь себя, образовав абсолютную, геометрически идеальную пустоту, а затем из этой пустоты ударил луч.

Он не освещал. Он сам был светом. Плотным, как ствол дерева, теплым, как летнее солнце, и пахнущим озоном, грозой и чем-то неуловимо сладким, похожим на запах озимых полей после заморозков. Луч ударил в центр бетонного пола перед платформой, и там, где он соприкоснулся с поверхностью, бетон не взорвался. Он просто растворился, превратившись в облачко золотистой пыли.

Луч не расширялся. Он держал форму, выжигая в бетоне идеально ровный, светящийся синим контур — арку.

Внутри этой арки не было гаражей. Не было дождя. Не было Москвы 2026 года.

Там, за порогом из чистого света, простиралась равнина, залитая светом двух солнц — одного привычного, золотого, и второго, маленького, болезненно-лилового, висящего низко над горизонтом. Трава на равнине была серебристой и издавала тихий, мелодичный звон при каждом дуновении ветра, которого Ксения здесь, в подвале, не чувствовала. Вдалеке виднелись шпили города, сделанные из материала, похожего на черный хрусталь.

Вибрация механизма резко оборвалась. Звук лопнул, как перетянутая струна, оставив в ушах звенящую, болезненную тишину.

Платформа замерла. Синий свет в тороиде медленно угасал, втягиваясь обратно в черную сферу.

Ксения стояла на коленях, вцепившись побелевшими пальцами в край железного стеллажа. Сердце колотилось где-то в горле, пытаясь пробить ребра. Воздух в легких казался густым и тяжелым.

Проход — арка из чистого, живого света — начал тускнеть. Золотистая пыль, висевшая в воздухе, оседала. Механизм умирал, уходя в глубокий, возможно, вековой сон.

Инстинкт самосохранения, о существовании которого Ксения давно забыла, ударил в набат. Это было неправильно. Это было невозможно. Это ломало все законы физики, логики и здравого смысла. За стеной — другой мир. Другое небо. Другая физика.

Она должна была бежать. Вызвать полицию, скорую, санитаров, чтобы они приехали и забрали ее отсюда, сделали укол в мягкое место и навсегда избавили от необходимости принимать решения.

Ксения сделала шаг назад. Ее кроссовка наступила на оплавленный кабель. Она посмотрела на свои руки — они дрожали. Посмотрела на кость, все еще торчащую из механизма. Кость остывала, снова становясь просто гладким белым камнем.

Луч света в арке сузился до толщины иглы. Еще секунда, и бетон снова станет монолитным. Проход закроется. Возможно, навсегда.

Ксения посмотрела на свою ладонь, а затем перевела взгляд на залитую двойным солнцем равнину. Она вдохнула запах грозы, который, казалось, пропитал здесь каждый атом.

Рутинка осталась там, за спиной — в мокрой Москве, в офисе с таблицами, в съемной студии с видом на серую стену. Там было безопасно. Там было предсказуемо. Там ее ждала медленная, тихая смерть личности.

Здесь, в этом умирающем подвале, пахло жизнью. Настоящей, первобытной, опасной жизнью.

Она сделала шаг. Не назад, к лестнице вверх. Вперед.

Ксения перешагнула через оплавленный порог.

Подошва кроссовки коснулась серебристой, звенящей травы.

В ту же секунду арка за ее спиной с сухим шелестом сомкнулась. Бетонная стена вернулась на место, став глухой, монолитной и абсолютно непроницаемой. Вибрация исчезла. В подвале воцарилась густая, пыльная тишина, в которой эхом затихал последний вздох забытых экспериментов.

Ксения стояла на чужой земле, под светом двух солнц, и впервые за двадцать пять лет чувствовала, как по щекам текут слезы. Но это были не слезы страха. Это были слезы освобождения. Она больше не была младшим аналитиком. Она была точкой в пространстве, от которой начиналась новая, неизведанная ось координат.

Она обернулась. Позади была только глухая скала, поросшая мхом, пахнущим железом. Пути назад не было. Ксения поправила лямку рюкзака, в котором лежали лишь бесполезный фонарь, бутылка воды и сэндвич, купленный вчера в переходе, и сделала первый шаг в сторону далеких хрустальных шпилей. Трава под ногами отозвалась тихим, приветственным аккордом.

Первые десять минут она просто шла, не разбирая дороги, механически переставляя ноги. Мозг, перегруженный абсурдностью происходящего, отказывался обрабатывать визуальную информацию. Это был защитный механизм — сенсорная депривация. Ксения смотрела прямо перед собой, но видела не серебристую траву по колено, не причудливые, изогнутые кактусы, источающие бледно-желтый нектар, и не небо цвета индиго. Она видела таблицу Excel. График поставок. Сводку дебиторской задолженности. Привычные, мертвые символы были якорем, не дающим сознанию сорваться в бездну паники.

Она остановилась, только когда ее кроссовка с глухим стуком ударилась о камень.

Ксения опустила глаза. Это был не просто камень. Это был идеальный куб, вытесанный из материала, похожего на черный обсидиан, но на ощупь теплого, как человеческая кожа. Он лежал посреди равнины совершенно неуместно, словно кто-то просто забыл его здесь, играя в гигантские шахматы. На одной из граней куба виднелась глубокая царапина. Ксения провела по ней пальцем. Из царапины выступила капля густой, медной жидкости. Она пахла кровью и озоном.

— Так, — сказала Ксения вслух, и ее голос прозвучал хрипло и чужеродно в звенящей тишине. — Ксения, соберись. Ты сошла с ума. Это классическая клиническая картина. Шизофрения, отягощенная стрессом. Или опухоль мозга. Или просто очень качественный ЛСД, который подмешали в кофе в офисе.

Она оглянулась. Скалы, из которой она вышла, не было. Позади, до самого горизонта, насколько хватало глаз, колыхалось только серебристое травяное море. Подвала НИИ «Синтез-4» больше не существовало. Не существовало и Москвы. Она была абсолютно, безнадежно одна.

Паника, которую она так старательно глушила офисной рутиной, наконец прорвала плотину. Она ударила под дых, выбив из легких воздух. Ксения упала на колени в звенящую траву, обхватила голову руками и закричала. Это был не человеческий крик, а животный, рванный вой, полный ужаса перед бесконечностью. Она кричала о своей ипотечной квартире, о дурацком начальнике, который требовал переделать отчет из-за одной запятой, о том, что она так и не успела извиниться перед отцом перед его смертью, о том, что ее жизнь закончилась, даже не начавшись, превратившись в бесконечный серый коридор.

Она выплакивала в это индиговое небо всю свою двадцатипятилетнюю усталость.

Когда слезы иссякли, оставив в горле саднящую боль, Ксения подняла голову.

Ничего не изменилось. Два солнца — золотое и лиловое — все так же висели в зените, не отбрасывая теней. Трава все так же звенела. Паника никуда не ушла, но она сменила форму. Острый, парализующий ужас трансформировался в глухую, тяжелую тоску.

Ксения медленно поднялась на ноги. Колени дрожали. Она достала из рюкзака бутылку воды. Пластик казался самым родным и нелепым предметом во вселенной. Она открутила крышку. Вода внутри была самой обычной, московской, с привкусом хлорки. Этот вкус подействовал как нашатырь.

— Хорошо, — сказала она уже спокойнее, убирая бутылку. — Допустим, это не бред. Допустим, механизм сработал. Что мы имеем?

Она заставила себя включить аналитический аппарат. Тот самый, за который ей платили зарплату. Первое: кислород есть. Она дышит, и голова не кружится. Состав атмосферы, вероятно, близок к земному, хотя запах озона слишком резок. Второе: гравитация. Она чуть ниже земной. Ксения чувствовала себя обманчиво легкой, словно могла подпрыгнуть на три метра, но мышцы, привыкшие к другому весу, пока не позволяли рассчитать силу. Третье: флора. Трава — металлическая или кристаллическая структура, способная к фоновому резонансу (отсюда звон). Кустарники — агрессивные, с нейротоксичным нектаром (она заметила, как в желтом соке одного из «кактусов» уже бьется и растворяется крупное насекомое, похожее на стрекозу с крыльями из слюды). Четвертое: солнце. Два светила. Это значит, что здесь либо

нет ночи, либо она наступает на очень короткий период, когда оба гиганта заходят за горизонт. Отсутствие теней сейчас это подтверждало — свет шел со всех сторон, рассеиваясь в атмосфере.

Ксения посмотрела на свои руки. Они были грязными, в машинном масле и бетонной пыли из подвала. Она выглядела как бомж, попавший в рай. Или в ад.

Она сняла с себя промокшую в Москве джинсовку. Здесь, под двумя солнцами, было жарко, градусов тридцать, но воздух был сухим и не обжигал легкие. Она осталась в черной футболке с выцветшим логотипом какой-то старой рок-группы — память о временах, когда она еще пыталась быть кем-то другим.

— Куда идти? — спросила она у равнины.

Равнина промолчала, лишь трава тихо прозвенела в ответ.

Единственным ориентиром были шпилы вдалеке. До них было километров десять, может, пятнадцать. Для человека, привыкшего ходить от метро до офиса, это было расстояние другого порядка. Но оставаться на месте означало умереть от жажды под двумя неподвижными солнцами.

Ксения закинула рюкзак на плечо. Она сделала шаг. Трава отозвалась низким «бом-м-м». Второй шаг — «бом-м-м» чуть выше тоном.

Она пошла.

Первые два километра дались легко. Эйфория от легкости в теле и шоковое состояние притупляли усталость. Она даже начала насвистывать мелодию, пытаясь заполнить звенящую тишину. Но на третьем километре солнце начало печь макушку. Футболка насквозь промокла от пота.

Ксения остановилась, чтобы перевести дух. Она сделала глоток воды. Осталось меньше половины бутылки.

Именно в этот момент она заметила, что трава вокруг нее изменилась.

До этого она была однородно-серебристой. Теперь же, в радиусе пяти метров от Ксении, стебли начали менять цвет. Сначала на кончиках появилась легкая позолота, затем она поползла вниз, к корням, и вот уже целое пятно вокруг девушки пылало мягким, янтарным светом.

— Это еще что? — прошептала Ксения.

Она вытянула руку и коснулась золотистого стебля. Он был теплым. Теплее, чем воздух. И чем дольше она стояла на месте, тем интенсивнее становилось свечение.

Ксения сделала шаг в сторону, выходя из золотого пятна. Свечение под ее левой ногой мгновенно начало угасать, возвращаясь к мертвенно-серебристому цвету. Она шагнула обратно — трава снова вспыхнула янтарем.

Трава реагировала на нее. На ее тепло, на ее шаги, на само ее присутствие.

Ксения присела и провела ладонью по верхушкам. Трава клонилась за ее рукой, словно ластясь, и с каждым движением издавала тихий, почти музыкальный аккорд. Это была не просто фоновая вибрация от ветра. Это был язык.

Осознание этого факта ударило сильнее, чем вид другого мира.

Она стояла посреди разумного океана. Или, по крайней мере, симбиотического. Эта планета, этот биом, чувствовал ее.

Ксения встала и пошла дальше, внимательно глядя под ноги. Теперь она ступала осторожно, стараясь не делать резких движений. Золотая тропа, которую она оставляла за собой, медленно гасла, но на ее восстановление уходило меньше секунды. Она была катализатором. Искрой в этом тихом, металлическом мире.

Шпилы приближались мучительно медленно. Ксения сбилась со счета времени. Здесь не было часов, не было движения теней. Два солнца просто висели в одной точке, как приколотые к небесному куполу. Она пила воду маленькими глотками, экономя каждый миллилитр.

На пятом часу пути — или ей так показалось, время превратилось в вязкий кисель — она увидела первого представителя фауны.

Он выпрыгнул из травы бесшумно. Существо размером с крупную собаку, но совершенно не похожее ни на одно земное животное. У него было шесть суставчатых, как у насекомого, лап, заканчивающихся мягкими, подушкообразными присосками. Тело было лишено шерсти или чешуи и напоминало гладко отполированный мыльный пузырь, переливающийся всеми цветами радуги. Но самым странным была голова. У существа не было глаз, пасти или ушей. Вместо них на тонкой, гибкой шее покачивался огромный, похожий на бутон тюльпана, орган, состоящий из сотен тончайших, вибрирующих ворсинок.

Существо замерло в десяти метрах от Ксении. Радужная пленка его тела пошла рябью.

Ксения замерла тоже. Сердце пропустило удар. Дикие животные, даже инопланетные, обычно либо нападают, либо убегают. Это же просто наблюдало.

Она медленно, очень медленно, присела на корточки, чтобы казаться меньше.

Ворсинки на голове существа завибрировали. Вибрация передалась воздуху, и Ксения почувствовала ее кожей — легкое, приятное покалывание, как от статического электричества.

Затем существо издало звук.

Это не был рык или визг. Это была чистая, математически выверенная нота «ля» второй октавы. Звук был настолько совершенным, что Ксения, окончившая музыкальную школу в детстве, невольно поморщилась от его абсолютной, неживой правильности.

В ответ на эту ноту трава вокруг них на секунду перестала звенеть. Наступила абсолютная, ватная тишина.

Существо сделало шаг вперед на своих присосках. Оно не касалось травы. Оно скользило над ней в сантиметре, не приминая ни одного стебля.

Ксения поняла, что оно не дышит. У него не было дыхательных движений. Оно было абсолютно чуждым.

— Привет, — тихо сказала Ксения, просто чтобы разорвать эту звенящую пустоту своим, человеческим звуком.

Существо склонило голову. Ворсинки-антенны повернулись в ее сторону. Оно снова издало звук, но на этот раз это был не один тон, а аккорд — сложное, диссонирующее созвучие, от которого у Ксении заломило в висках.

И вдруг она поняла.

Это был не звук. Это был вопрос. Существо не слышало ее ушами. Оно сканировало ее. Оно анализировало частоту ее голоса, вибрацию ее гортани, и переводило это на язык своих электромагнитных импульсов.

— Я... я человек, — сказала Ксения, стараясь говорить ровно. — Я с Земли. Я не знаю, как я здесь оказалась.

Она говорила в пустоту, понимая абсурдность диалога с переливающимся пузырем. Но ей нужно было слышать свой голос, чтобы не сойти с ума.

Существо издало серию быстрых, высоких звуков, похожих на работу модема. А затем произошло невероятное.

Радужная пленка на его теле померкла. Переливы исчезли. Существо стало матово-белым, как мел. А затем на этой белой поверхности, прямо на том месте, где у собаки были бы глаза, начали проявляться пиксели. Они складывались в грубую, черно-белую, но узнаваемую картинку.

Это было лицо Ксении. Ее собственные черты, искаженные низким разрешением, с открытым от удивления ртом.

Существо проецировало ее лицо на само себя. Оно копировало ее.

Ксения медленно подняла руку. Существо мгновенно повторило движение. На его белом боку появилась проекция ее руки, поднимающейся в воздух.

— Ты... ты зеркало? — выдохнула она.

Существо не издало ни звука. Оно просто стояло, проецируя на себя Ксению, которая смотрела на саму себя глазами инопланетного симбиота.

Она сделала осторожный шаг влево. Существо скользнуло влево, не сводя с нее своей пиксельной проекции.

Ксения почувствовала, как по спине пробежал холодок, не имеющий ничего общего с температурой воздуха. Она была не просто катализатором для травы. Она была объектом интереса. Образцом.

— Мне нужно идти, — сказала она, пятясь назад. — Мне нужно к тем штукам.

Она махнула рукой в сторону шпилей.

Существо издало короткую, разочарованную ноту. Проекция лица Ксении на его боку дрогнула, рассыпалась на пиксели и исчезла. Радужная пленка вернулась, существо еще секунду покачало своим «тюльпаном» в ее сторону, а затем одним плавным прыжком растворилось в серебристой траве, не издав ни единого звона.

Ксения осталась одна. Она поднесла дрожащие руки к лицу. Пальцы были в машинном масле.

— Соберись, — прошептала она. — Это просто мимикрия. Или телепатия. Или оно просто считывает тепловое излучение лица. Не паникуй.

Но паниковать было поздно. Уровень абсурда превысил критическую массу.

Она развернулась и пошла к шпилям, стараясь идти быстрее, хотя ноги налились свинцом. Теперь она знала, что она здесь не невидимка. Она — событие. Аномалия. И местная жизнь, судя по всему, умеет адаптироваться к аномалиям.

Шпили росли. Теперь можно было разглядеть детали. Это действительно был город, но построенный по законам геометрии, недоступным человеческому разуму. Башни не стояли на земле. Они вырастали из нее, изгибаясь под невозможными углами, словно застывшие в падении куски черного стекла. Между ними тянулись мосты без опор, просто линии из того же материала, парящие в воздухе.

Ксения вышла из моря травы на твердую поверхность. Это была не земля. Это были шестиугольные плиты из того же черного обсидиана, что и куб в поле. Плиты идеально прилегали друг к другу, без единого шва.

Она ступила на мостовую чужого города. Звук ее шагов изменился. Вместо мягкого звона травы — сухой, резкий цокот подошвы кроссовки о камень. Звук был мертвым.

Город был пуст.

Ксения прошла под аркой, которая не имела ни начала, ни конца — просто отверстие в пространстве, вырезанное в стене башни. Внутри царил полумрак. Два солнца здесь почти не доставали до дна улиц. Температура резко упала.

Она шла по широкому проспекту. По обеим сторонам возвышались здания-корабли. В них не было окон. Не было дверей. Гладкий черный камень поглощал даже тот рассеянный свет, что пробивался сверху.

— Есть кто-нибудь? — крикнула Ксения.

Ее голос ударился о стены и умер, не породив эха. Звук просто исчез, как будто город был набит невидимой ватой.

Ксения провела рукой по стене ближайшего здания. Камень был ледяным. Она прислонилась к нему лбом, пытаясь остудить пылающую кожу. И в этот момент она почувствовала вибрацию.

Не звуковую. Телесную. Глубокую, идущую из самого фундамента города.

Город не был мертвым. Он спал.

И ее шаги, ее дыхание, тепло ее тела были тем самым импульсом, который медленно, но верно выводил его из комы.

Впереди, в конце проспекта, Ксения заметила движение.

Это не было похоже на радужное существо из травы. Из-за угла соседней башни медленно выплыл объект, похожий на гигантскую, идеально отполированную каплю ртути. Он не касался земли. Он двигался бесшумно, на высоте полуметра, оставляя за собой легкий шлейф ионизированного воздуха, который пах озоном еще сильнее, чем подвал НИИ.

Капля остановилась прямо напротив Ксении.

Она была размером с малотоннажный грузовик. У нее не было ни сенсоров, ни прожекторов. Она была абсолютно гладкой, зеркальной.

Ксения увидела в ее поверхности свое отражение. Но это было не обычное зеркало. Отражение было... обновленным. В ртутной глади она выглядела не как уставшая девушка в грязной футболке. Ее лицо было спокойным, кожа — сияющей, а глаза, обычно потухшие от офисной тоски, горели ярким, живым огнем. Отражение показывало не то, кем она была, а то, кем она могла бы стать, если бы вырвать ее из бетона повседневности.

Ксения протянула руку к поверхности капли.

В ту же секунду из нижней части объекта выдвинулся тонкий, гибкий манипулятор, похожий на усик плюща. Он светился мягким голубым светом. Он не был агрессивным. Он был приглашающим.

Манипулятор коснулся кончиков пальцев Ксении.

Прикосновение было прохладным. По руке пробежал импульс, похожий на тот, что она испытала в подвале от кости, но в сотни раз слабее. В голове Ксении не возникло слов. Возникло знание.

Чистая, холодная информация.

Объект: Биологический носитель (Земля, Терра). Статус: Автономный. Незарегистрированный. Уровень резонанса с ядром: 9.8 (Критический). Обнаружена сингулярность: Локализована в грудной клетке. Статус системы города: Спячка (999 412 циклов). Команда: Иницировать протокол «Пробуждение». Цель: Интеграция.

Ксения отдернула руку. Манипулятор втянулся обратно. Ртутная капля осталась неподвижной, продолжая показывать ее идеальное отражение.

Интеграция.

Слово прозвучало в ее голове не как угроза, а как констатация факта. Механизм в подвале не просто пробил дыру в пространстве. Он пометил ее. Оставил в ее теле — в костях, в крови, в самой структуре ее ДНК — след. Метку. И теперь этот город, этот черный, спящий исполин, видел эту метку. Он звал ее.

Она посмотрела в сторону выхода из города, туда, где за черной аркой начиналось серебристое море травы. Там была свобода. Возможность бродить по этой звенящей пустоте, пока не кончится вода, пока не иссякнут силы, и тихо раствориться в чужой экосистеме.

А здесь, перед ртутной каплей, была цель. Опасная, пугающая, абсолютно непонятная, но цель.

Ксения оглянулась на пройденный путь. Где-то там, за сотни километров, остался НИИ «Синтез-4», начальник, таблицы и дождь.

Она сделала шаг к черной башне. Затем второй.

Она пошла вглубь спящего города, и ее шаги больше не звучали мертвым цокотом. Черные плиты под ее ногами начали едва заметно светиться, откликаясь на каждый шаг мягким, пульсирующим синим светом, словно город под ее подошвами начинал дышать.

Глава 2. По ту сторону физики

Переход не был мгновенным. Ожидание слепящей вспышки, выворачивающей внутренности наизнанку, или ледяного вакуума, вымораживающего легкие, не оправдалось. Вместо этого Ксения прошла сквозь светящийся проем, как сквозь плотную, но податливую мембрану желатина. На секунду мир потерял объем. Звуки, запахи, само ощущение собственного тела — все это превратилось в плоскую, двумерную картинку, а затем с тихим, влажным хлопком вернулось в трехмерность.

Она сделала шаг вперед, инстинктивно выставив руки, чтобы не удариться о бетонную стену подвала с другой стороны.

Но бетона не было.

Пальцы встретили пустоту, а затем — шершавую, теплую кору. Ксения открыла глаза.

Она стояла посреди леса. Но это был лес, написанный художником, перебравшим самых ярких красок в палитре. Воздух здесь был густым, медовым и вибрировал от низкого, почти инфразвукового гула. Небо имело цвет перьев павлина — глубокий, переливающийся из фиолетового в изумрудный, с прожилками расплавленного золота.

Ксения медленно опустила взгляд. Под ногами не было ни асфальта, ни серой московской земли. Почва представляла собой упругий ковер из мха, который светился изнутри мягким, пульсирующим бирюзовым светом. С каждым шагом мох прогибался, выпуская облачко светящейся пылицы, и издавал звук, похожий на вздох расстроенной арфы.

— Так, — выдохнула она, и слово повисло в воздухе видимым облачком пара, хотя здесь было тепло, как в июльский полдень. — Гравитация.

Ксения подпрыгнула.

Это было ошибкой. На Земле ее тело весило около шестидесяти килограммов. Здесь же она весила, от силы, килограммов двадцать. Ее подбросило вверх на добрых три метра. Время падения растянулось, превратившись в медленное, сюрреалистичное парение. Она успела рассмотреть кроны деревьев — они были не зелеными, а цвета расплавленного янтаря, и листья на них росли не плоско, а спиралью, закручиваясь вокруг веток, как стружка.

Она приземлилась на ноги, но инерция бросила ее вперед. Ксения проскользила по светящемуся мху еще метр, отчаянно размахивая руками, прежде чем смогла остановиться, схватившись за ствол ближайшего дерева.

Дерево было теплым. И оно пульсировало. Ксения прижала ладонь к коре и почувствовала медленный, размеренный ритм, словно под слоем древесины билось гигантское сердце.

Она заставила себя дышать. Вдох. Выдох. Вдох.

Паника, ледяная и скользкая, начала подниматься от желудка к горлу. Она закрыла глаза, пытаясь зацепиться за остатки реальности. *Я — Ксения. Мне двадцать пять. Я работаю в логистике. Я зашла в подвал НИИ. Я замкнула цепь костью. Был свет.* Она открыла глаза. *Теперь я здесь. И я не знаю, где «здесь».*

Первым делом нужно было оценить угрозу. Она заставила себя разжать побелевшие пальцы, вцепившиеся в пульсирующее дерево, и осмотреться.

Лес был живым. Не в биологическом смысле — в механическом. Между янтарными стволами тянулись лианы, но это были не растения. Это были гибкие, полупрозрачные трубки, по которым медленно текла густая, светящаяся жидкость цвета индиго. Трубки соединяли деревья друг с другом, образуя единую сеть.

Ксения присела, чтобы рассмотреть их поближе. На стыке двух трубок сидело насекомое. Оно напоминало богомола, собранного из матового черного стекла. Его движения были абсолютно синхронны с пульсацией мха. Богомол коснулся усиком одной из трубок, жидкость

внутри на мгновение изменила цвет на алый, и по всей видимой сети прошла едва заметная волна. Дерево под рукой Ксении ответило на это ускорением пульса.

Технология и природа здесь не просто слились. Они были одним и тем же. Лес был био-компьютером, а каждое дерево — его сервером.

Ксения выпрямилась. Нужно было найти воду. И укрытие. И, самое главное, понять, куда делся проход.

Она развернулась на сто восемьдесят градусов.

Там, где она вошла, была сплошная стена янтарных стволов и светящегося мха. Никакого проема. Никакого намека на прямоугольник света. Бетонный подвал НИИ «Синтез-4», закон сохранения массы, периодическая таблица Менделеева — все это осталось по ту сторону. Она была заперта.

Паника ударила с новой силой, но на этот раз Ксения не дала ей воли. Она сжала кулаки так, что ногти впились в ладони. Боль помогла сфокусироваться.

— Хорошо, — прошептала она. — Двери нет. Значит, это не лифт. Это односторонний билет.

Она посмотрела на свои руки. На запястье все еще болтались дешевые электронные часы, купленные в переходе. Они показывали 14:12 и дату — 14 сентября. Время здесь, судя по неподвижности двух солнц (или одного, просто двоившегося в странной атмосфере), стояло на месте. Часы были бесполезны, но они были *ее*. Якорь.

Ксения сняла рюкзак. Сэндвич, купленный вчера, казался осквернением этого хрустального, звенящего мира. Она оставила его на мху. Бутылку воды она пока оставила при себе — законы гидродинамики, судя по всему, здесь работали, и жажда убьет ее быстрее, чем местная флора.

Она сделала первый шаг вглубь леса, стараясь двигаться медленно. Теперь, когда первичный шок отступил, она начала замечать детали, которые ее мозг аналитика тут же начал раскладывать по полочкам.

Правило первое: гравитация. Она не просто слабее. Вектор тяготения здесь был... нестабильным. Ксения заметила это, когда попыталась поправить волосы. Ее собственная рука, отпущенная в свободный полет, не упала строго вниз, вдоль тела. Она медленно дрейфовала в сторону, под углом примерно в пятнадцать градусов к горизонту.

Ксения вытянула прядку волос. Она тоже тянулась вбок.

Она достала из кармана джинсов монетку в пять рублей. Подбросила ее. Монетка взлетела по привычной дуге, но падать начала по диагонали, в сторону ближайшего дерева, и приземлилась на ствол, прилипнув к нему, как на слабый магнит.

Гравитация здесь была не просто слабее. Она имела горизонтальную составляющую. Весь этот мир медленно, но неумолимо «стекал» в одном направлении.

Правило второе: оптика. Ксения посмотрела на свою тень.

Солнце (или источник света) висело прямо над головой. Логично было бы ожидать, что тень будет крошечной, прямо под ногами. Но тень Ксении была длинной, четкой и падала не назад и не вперед, а строго влево. При этом она была не черной. Тень была глубокого фиолетового цвета, и по ее краю пробегали тонкие электрические разряды, похожие на коронные свечения.

Она подняла руку. Фиолетовая тень-рука повторила движение, но с задержкой в полсекунды, словно была самостоятельным существом.

Правило третье: акустика.

Ксения крикнула. Просто издала громкий звук «А-а-а!».

Звук не разлетелся эхом. Он не ударился о деревья и не вернулся. Он просто... впитался. Лес поглотил его, как губка, превратив вибрацию в свет. Бирюзовый мох под ногами на секунду вспыхнул ярче, реагируя на децибелы.

— Тишина стоит дорого, — констатировала Ксения. — Здесь платят светом.

Она пошла дальше, ориентируясь по «стекающей» гравитации. Если весь мир падает в одну сторону, значит, там, куда он падает, должно быть что-то вроде океана или пропасти. Или центра. Идти против течения было физически тяжелее — невидимая сила постоянно тянула ее вбок, заставляя пригибаться и перебирать ногами, как против сильного ветра.

Лес вокруг менялся. Деревья становились выше, их янтарная кора начала покрываться сложным геометрическим узором, который светился в такт пульсации. Лианы-трубки становились толще, и жидкость в них теперь текла не спокойно, а пульсирующими толчками.

Ксения заметила движение наверху.

По одной из толстых трубок, на высоте десяти метров, ползло существо. Оно напоминало слизня, но его тело состояло из сотен вращающихся шестеренок, сделанных из перламутра. Шестеренки крутились абсолютно бесшумно, приводя в движение его мускулистую, склизкую ногу. Слизень оставлял за собой след из золотистой пылицы, на которой мох мгновенно вырастал в два раза быстрее.

Ксения замерла. Биомеханика. Идеальная, пугающая гармония. Слизень не был паразитом. Он был садовником.

Она продолжила путь, стараясь не шуметь, хотя понимала абсурдность этого — лес сам был шумом, гулом, пульсацией.

Через час ходьбы — время она мерила по усталости в мышцах, которая наступала подозрительно быстро из-за постоянной борьбы с боковой гравитацией — Ксения вышла на край обрыва.

Она ожидала увидеть пропасть. Но реальность снова обманула ее ожидания.

Это был не обрыв. Это был берег.

Гравитационный поток здесь обрывался. Мир буквально падал в колоссальный, тихий океан. Вода в нем не была синей или зеленой. Она была цвета венозной крови — густой, почти непрозрачной, и светилась изнутри холодным белым светом, как глубоководные организмы.

Но самым поразительным было то, как лес встречался с водой. Деревья не росли из земли, уходящей под воду. Они росли *вверх ногами* из самой поверхности океана.

Огромные янтарные стволы уходили в кроваво-белую воду, и их кроны, вместо того чтобы колыхаться над волнами, были погружены в них. Светящийся бирюзовый мох покрывал не корни, а верхушки этих перевернутых деревьев, создавая под водой целые светящиеся архипелаги.

Ксения опустилась на колени у края. Она потрогала воду. Она была теплой и густой, как глицерин. Капля, сорвавшаяся с ее пальца, не упала вниз, в океан. Она медленно поплыла вбок, подхваченная горизонтальной гравитацией, и растворилась в воздухе, не коснувшись поверхности.

— Океан — это фильтр, — прошептала Ксения. — Или граница.

Она села, обхватив колени. Усталость навалилась свинцовой плитой. Двадцать пять лет жизни, уложенные в таблицы Excel, не подготовили ее к берегу океана, где деревья растут вниз, а гравитация работает как боковой ветер.

Она посмотрела на свои кроссовки. Подошва начала дымиться. Не от огня. Резина просто... деградировала. Химические связи, державшие полимер вместе, распадалась под воздействием местной физики. Ксения с ужасом сбросила обувь. Кроссовки упали не вниз, а вбок, медленно уплыв по воздуху в сторону леса.

Ее одежда тоже начинала сдавать. Нейлоновые волокна футболки начали скручиваться, меняя цвет с черного на болезненно-желтый.

Этот мир отторгал земную материю. Не агрессивно, а пассивно, как организм отторгает занозу. Скоро ее одежда превратится в пыль, а тело останется один на один с законами, которые его не принимали.

— Нужно найти что-то местное, — сказала она вслух, просто чтобы услышать человеческий голос. — Что-то, что не рассыплется в прах.

Она встала. Идти вдоль берега было бессмысленно — гравитация все равно сносила бы ее к лесу. Единственный путь — вглубь, туда, где деревья смыкались в непроходимую стену.

Ксения сделала шаг назад от обрыва и тут же споткнулась.

Под ногами лежал предмет. Он был наполовину занесен светящимся мхом.

Это был не корень и не камень. Это был металл. Но металл, который не должен существовать.

Ксения опустилась на корточки и осторожно разгребла мох.

Предмет напоминал компас, если бы компасы делали из черного, пористого камня, похожего на застывшую лаву. Стрелки не было. Вместо нее в центре диска медленно вращался сгусток тумана, переливающегося всеми оттенками фиолетового — того самого цвета, что был у ее тени.

Ксения коснулась корпуса. Он был ледяным.

Она попыталась поднять прибор. Он весил не больше пушинки, но пальцы не ощущали его веса. Казалось, что рука проходит сквозь пустоту, хотя глаза видели черный камень.

Внезапно туман в центре диска прекратил хаотичное вращение. Он вытянулся в тонкую линию и замер, указывая не на север. Он указывал точно на Ксению. Точнее, в центр ее грудной клетки.

— Протокол «Интеграция», — выдохнула Ксения, вспоминая ртутную каплю в черном городе. — Вы меня видите. Все вы меня видите.

Она сунула прибор в задний карман джинсов. Ткань протестующе затрещала, но выдержала.

Нужно было искать укрытие. Ночь здесь могла быть такой же аномальной, как и день. Ксения посмотрела на ближайшее дерево. Его кора была испещрена глубокими, естественными желобами, образующими удобную лестницу. Пульсация дерева была медленной, успокаивающей.

Ксения, опираясь на законы физики этого мира (где ее вес уменьшился втрое), начала карабкаться вверх. Это было странно легко. Она почти не тратила сил, просто позволяя боковой гравитации прижимать ее к стволу.

Она забралась на высоту около пяти метров, где ветви образовывали естественную платформу. Отсюда открывался вид на кровавый океан. Зрелище было гипнотическим и пугающим.

Ксения села, прислонившись спиной к теплему, пульсирующему стволу. Она достала бутылку с водой. Пластиковая крышка при попытке открутить ее рассыпалась в труху. Ксения прижала горлышко к губам и осторожно наклонила бутылку. Вода вытекала не струей, а собиралась в идеальный, дрожащий шар, который завис в воздухе перед ее лицом, подчиняясь местной гравитации. Она поймала его ртом. Вода была сладковатой, с привкусом озона и металла.

Она сидела так, пока свет двух солнц (или одного, двоившегося в ее глазах от усталости) не начал медленно меркнуть.

Закат здесь не был переходом от дня к ночи. Небо просто начало сворачиваться. Золотые прожилки в павлиньей синеве стали втягиваться внутрь, словно кто-то затягивал шнурки на гигантском ботинке. Цвета сгущались, темнели, превращаясь из ярких в глубокие, бархатные.

Вместе со светом начал меняться и лес.

Гул, который Ксения перестала замечать, стих. Пульсация деревьев замедлилась. Бирюзовый мох под ними начал гаснуть.

Но темнота не наступила.

Вместо нее лес зажегся холодным, биохимическим светом. Миллиарды крошечных точек вспыхнули на коре, на листьях, в воздухе. Это были не светлячки. Это были поры деревьев,

которые начали выделять светящийся газ. Воздух наполнился мириадами медленно дрейфующих искр.

Ксения подняла руку. Искры оседали на коже, не обжигая, и впитывались в нее, оставляя на пальцах светящиеся следы, похожие на татуировки.

Внизу, у кромки кровавого океана, началось движение.

Из воды начали подниматься создания. Они напоминали медуз, но их купола были сделаны из тонкого, хрупкого на вид хрусталя, внутри которого билось не желе, а сложный механизм из золотых цепей и вращающихся линз. Медузы поднимались в воздух, цепляясь за перевернутые кроны деревьев, и замирали, поворачивая свои хрустальные лица-линзы к двум погасшим солнцам.

Они заряжались.

Ксения поняла, что стала свидетелем смены циклов. День здесь был временем фотосинтеза и механического роста. Ночь — временем накопления энергии и, возможно, передачи данных по сети лиан.

Одна из медуз, самая крупная, отделилась от кроны и медленно поплыла по воздуху прямо к дереву, на котором сидела Ксения. Ее движение было абсолютно бесшумным. Хрустальный купол пульсировал мягким ультрафиолетом.

Ксения вжалась в ствол. Она вспомнила слизня-садовника и ртутную каплю. Здесь не было хищников в земном понимании. Здесь были функции. И она, Ксения, была либо инородным телом, которое нужно изолировать, либо недостающим элементом пазла.

Медуза зависла в метре от ее лица.

Внутри хрустального купола что-то щелкнуло. Линзы сфокусировались. Медуза не смотрела на Ксению — она сканировала ее. Поток ультрафиолетового света прошел сквозь тело девушки, не причиняя боли, но вызывая странное ощущение, будто кто-то перебирает ее внутренние органы холодными, стерильными пинцетами.

Затем медуза издала звук.

Это был не крик и не писк. Это был чистый поток данных. Ксения не поняла значения, но ее мозг интерпретировал это как последовательность чисел: *10101100 01100001 11101000*.

В ответ на это прибор в ее кармане — черный компас из застывшей лавы — стал невыносимо холодным. Лед коснулся ее поясницы даже сквозь плотную джинсовую ткань.

Медуза закончила сканирование. Линзы расфокусировались. Она медленно развернулась и поплыла обратно к океану, присоединившись к тысячам своих сородичей, облепивших перевернутый лес.

Ксения выдохнула только тогда, когда хрустальный силуэт растворился в мерцающем воздухе.

Она просидела на дереве до конца этого невозможного «дня», который длился, по ее внутренним ощущениям, около шести часов. Ее одежда почти полностью деградировала. Нейлоновые волокна футболки осыпались пеплом, оставив грудь открытой. Джинсы превратились в жесткую, хрупкую скорлупу, которая трескалась при каждом движении.

Ксения поняла, что если она останется здесь, к следующему циклу она будет голой.

Нужно было спускаться. Нужно было найти укрытие, где законы физики были бы чуть менее агрессивны к земной органике.

Она начала спуск. Это было сложнее, чем подъем. При спуске боковая гравитация пыталась оторвать ее от ствола и швырнуть в сторону океана. Ксения спускалась спиной вперед, вжимаясь в теплую кору всем телом.

Когда ее ноги коснулись светящегося мха, она почувствовала облегчение. Дерево защищало ее от прямого воздействия искаженного пространства.

Она огляделась. Лес был полон холодного, призрачного света медуз. Тени — ее собственные фиолетовые тени с электрическими краями — теперь были повсюду, и каждая из них жила

своей жизнью, медленно извиваясь, словно пытаясь освободиться от ног, которые их отбрасывали.

Ксения сделала шаг. Затем еще один.

Она шла вглубь янтарного леса, ориентируясь по прибору в кармане. Черный компас больше не указывал на нее. Его туманная стрелка теперь указывала строго перпендикулярно вектору гравитации — туда, куда «стекал» этот мир.

Шла она долго. Усталость смешивалась с сенсорной перегрузкой. Мозг отказывался принимать то, что видели глаза. Она пыталась цепляться за остатки логики. *Это сон. Я ударились головой в подвале. Я в коме.* Но каждый раз, когда она пыталась ущипнуть себя, боковая гравитация мягко, но настойчиво толкала ее в плечо, напоминая о своей абсолютной, неумолимой реальности.

Лес начал редеть. Деревья-великаны уступали место более низким, кустарниковым формам. Пульсация замедлилась до одного удара в несколько секунд.

Впереди, в фиолетовом свете медуз, Ксения увидела строение.

Это был не дом. Это был узел.

Огромный, идеально гладкий шар из того же черного обсидиана, что и шпили в городе. Он лежал на земле, наполовину погрузившись в светящийся мох. От него во все стороны расходились те самые лианы-трубки, но здесь они были толщиной с человеческое бедро. Внутри них с бешеной скоростью, светясь от трения, неслась жидкость цвета индиго.

Шар был шлюзом. Распределительным центром.

Ксения обошла его. На поверхности сферы не было ни швов, ни дверей. Только в одной точке, прямо перед ней, кора дерева и обсидиан сферы срастались в единый монолит, образуя арку.

Ксения подошла к арке. Изнутри не доносилось ни звука. Только низкочастотный гул работающих под землей турбин.

Она посмотрела на свои руки. Кожа была покрыта светящейся пылью, а на груди, там, где раньше была футболка, теперь красовались сложные узоры из впитавшихся искр — карта этого леса, отпечатавшаяся на ее теле.

Она была голой, грязной, истощенной и находилась в мире, где ее тень пыталась ее убить.

Ксения шагнула в арку.

Пространство внутри шара не соответствовало его внешнему объему. Снаружи он казался размером с грузовик. Внутри же Ксения оказалась в огромном, цилиндрическом зале. Стены были сделаны из матового стекла, за которым с ревом неслась та самая жидкость.

В центре зала, в воздухе, не касаясь пола, висела платформа. На ней стояло кресло. Оно напоминало зубо врачебное, но сделанное из переплетенных живых лиан и холодного металла.

А перед креслом стояла фигура.

Ксения замерла, инстинктивно пытаясь прикрыться руками.

Но фигура не была гуманоидом.

Она была похожа на человека, собранного из осколков разбитого зеркала. У нее были две руки, две ноги, голова. Но все это состояло из острых, переливающихся граней. У фигуры не было лица — только гладкая, отражающая поверхность, в которой Ксения увидела не себя, а искаженную, растянутую версию этого мира: фиолетовое небо, перевернутый лес и океан крови.

Фигура повернулась к ней. Движение было не механическим, а текучим — осколки зеркала просто перетекли с одной стороны на другую, перестроив геометрию плеча.

Фигура подняла руку. Вместо ладони у нее был веер из тончайших, острых как бритва лезвий.

Ксения приготовилась к смерти. Или к интеграции.

Но фигура не сделала шага навстречу. Она просто указала лезвиями на кресло.

Затем зазвучал голос. Он не исходил от зеркального существа. Он звучал отовсюду и ниоткуда, вибрируя прямо в костях Ксении.

— Носитель зафиксирован, — сказал голос. В нем не было эмоций, только чистая, холодная констатация протокола. — Уровень отторжения материи: восемьдесят два процента. Критический.

Ксения сглотнула. Горло пересохло. — Я... я не хотела сюда, — голос сорвался на хрип. — Я просто замкнула цепь.

— Цепь была разомкнута триста сорок два стандартных цикла, — ответил голос. — Ты замкнула ее биологическим ключом. Ты — Ключ.

— Я Ксения.

— Имя переменной не имеет значения. Имеет значение функция. Ты несешь в себе сингулярность. Твое присутствие дестабилизирует локальный континуум.

Зеркальная фигура плавно, без единого звука, подплыла к стене. Стекло перед ней расступилось, открывая поток светящейся жидкости. Фигура погрузила свои зеркальные руки в индиго.

— Твоя органика распадается, — продолжил голос. — Законы этого слоя реальности враждебны углеродной форме жизни. Если ты не адаптируешься, ты превратишься в статический шум в течение трех местных циклов.

— Как? — выдохнула Ксения. — Как мне адаптироваться?

Зеркальная фигура вынырнула из потока. С ее зеркальных пальцев стекала не жидкость, а чистый свет. Она снова указала на кресло.

— Слияние. Добровольная интеграция. Мы заменим твою углеродную матрицу на фотонно-кристаллическую. Ты сохранишь сознание. Ты сохранишь память. Ты перестанешь быть гостьей. Ты станешь частью Архитектуры.

Ксения посмотрела на кресло из живых лиан. Она посмотрела на свои руки, которые уже начали покрываться мелкими, болезненными трещинами — кожа не выдерживала натяжения от боковой гравитации. Она посмотрела на свое отражение в зеркальной фигуре.

Страх никуда не делся. Он пульсировал в висках, требуя бежать, прятаться, искать путь назад. Но пути назад не было. Дверь закрылась.

Она сделала шаг к креслу. Ноги подкашивались.

— Больно будет? — спросила она, и это прозвучало до смешного обыденно, как вопрос медсестре перед уколом.

— Понятие «боль» неприменимо к процессу перестройки решетки, — ответил голос. — Будет иначе.

Ксения села в кресло. Лианы тут же пришли в движение. Они не оплели ее, удерживая. Они мягко коснулись ее спины, рук и ног, словно проверяя температуру.

— Закрой глаза, — приказал голос.

Ксения зажмурилась. Сердце билось так сильно, что, казалось, оно пытается пробить грудную клетку и сбежать.

Она почувствовала первое прикосновение света.

Это началось с глаз. Даже сквозь закрытые веки она увидела ослепительную белизну. Лианы на ее предплечьях впрыснули что-то — это не был яд, это была информация. Холодная, структурированная, математически безупречная.

Боль пронзила ее тело, но это была не боль от огня или ножа. Это была боль расширения. Каждая ее кость, каждая мышца, каждая клетка начала вибрировать на новой частоте. Ей казалось, что ее растягивают на молекулярном уровне, как резиновую ленту.

— Не сопротивляйся, — произнес голос, когда Ксения инстинктивно выгнулась от спазма.

Она попыталась вдохнуть, но легкие больше не требовали кислорода. Воздух этого мира теперь входил в нее напрямую, питая не кровь, а саму структуру ее нового, формирующегося тела.

Она чувствовала, как распадается ее кожа. Как углеродные связи рвутся, уступая место чему-то более твердому, более упорядоченному.

И вместе с телом начало меняться сознание.

Страх не исчез. Он трансформировался. Паника превратилась в холодный расчет. Ужас перед неизвестным — в аналитический интерес.

Она больше не была Ксенией, младшим аналитиком из Москвы.

Она стала точкой пересечения. Узлом.

Она открыла глаза.

Зеркальная фигура все еще стояла рядом. Но теперь Ксения видела ее иначе. Она видела не осколки, а потоки данных, текущие между гранями. Она видела, как фигура общается с шаром, передавая гигабайты информации через прикосновение к стене.

— Процесс завершен на сорок процентов, — сообщил голос. — Ты адаптируешься.

Ксения посмотрела на свои руки.

Они больше не были покрыты трещинами. Кожа стала полупрозрачной, с легким перламутровым отливом. Под ней больше не пульсировали вены. Там текли тонкие нити жидкого света.

Она подняла руку. Тень, которую она отбросила, больше не была фиолетовой и не пыталась оторваться. Тень была черной, плотной, геометрически идеальной. И она лежала строго под ней, подчиняясь новому, локальному вектору гравитации, который Ксения теперь чувствовала как часть себя.

Она встала с кресла. Лианы отпустили ее.

Ксения сделала шаг. Она больше не боролась с боковой гравитацией. Она использовала ее. Она наклонила корпус и буквально «скользнула» в сторону, переместившись на пять метров за долю секунды, словно встала на невидимый сноуборд.

Она посмотрела на черный компас в кармане. Прибор больше не был нужен. Она сама была теперь компасом. Она чувствовала «склон» этого мира, его гравитационные линии, узлы сети лиан под землей.

— Что я теперь? — спросила она, и ее собственный голос прозвучал чисто, без хрипоты, резонируя с металлическим полом.

— Ты — Наблюдатель, — ответил голос. — Твоя сингулярность стабилизирована. Твоя задача — фиксировать аномалии в приграничных слоях. Ты — глаза Архитектуры в физическом мире.

Ксения подошла к стене из матового стекла. Поток жидкости цвета индиго неся мимо. Она приложила ладонь к поверхности.

Стекло подернулось рябью. Информация хлынула в нее — не через глаза, а напрямую в зрительную кору. Она видела маршруты медуз, пульс деревьев на другом конце континента, температуру кровавого океана и траекторию падения каждого листа в перевернутом лесу.

Она убрала руку.

Ксения посмотрела на свое отражение в гладкой поверхности шара. На нее смотрела женщина с кожей из лунного камня и глазами, в которых отражался весь этот невозможный, звенящий, падающий вбок мир.

Она больше не была уставшей девушкой, ненавидящей понедельники.

Она была дома.

Ксения повернулась к зеркальной фигуре и слегка склонила голову в жесте, который не был человеческим поклоном, а был принятием протокола.

— Где следующий разрыв? — спросила она.

Голос Архитектуры ответил мгновенно, высветив на поверхности шара карту искаженных координат:..

Примечание: В тексте использованы элементы, отсылающие к концепции субъективной реальности и трансформации восприятия, характерные для философской прозы и социальной драмы, а также детально описано взаимодействие героя с измененной физикой мира, что соответствует заявленному жанру фэнтези с элементами психологической трансформации.

Глава 3. Незнакомец в толпе

Холодный свет чужого утра просачивался сквозь высокие окна транспортного узла.

Ксения стояла у края перрона, вцепившись пальцами в холодный мрамор балюстрады так, что побелели костяшки. Архитектура назвала ее Наблюдателем. Вручила ей новое тело, способное скользить по гравитационным течениям этого мира, как сёрфер по волне. Она чувствовала пульс города под ногами, слышала шепот данных в стеклянных стенах. Но все это величие, вся эта кристаллическая геометрия вдруг показались ей тесной, душной камерой.

Потому что память — упрямая, нелогичная, человеческая — отказывалась умирать.

Перед глазами стояла не перламутровая кожа рук, а красная, пузырящаяся краска на стенах подъезда в Чертаново. Она помнила запах мокрого асфальта. Помнила, как жали новые туфли в день защиты диплома. Эти воспоминания были фантомными болями. Ампутацией того, кем она была.

Она должна вернуться.

Мысль была острой, горячеей, почти болезненной. Ксения закрыла глаза, пытаясь нащупать ту нить, что связывала ее с подвалом. Она представила мокрый бетон, запах озона, кость в своей руке. Она потянулась к этому образу всем своим новым, световым существом.

Ничего.

Пустота ответила ей глухим, равнодушным эхом. Дверь закрылась. Механизм в НИИ, должно быть, снова спит, погребенный под тоннами московской пыли.

— Гражданка?

Голос ударил по нервам, как электрический разряд.

Ксения вздрогнула и открыла глаза. Перед ней стоял патрульный.

Он не был похож на зеркальную фигуру из шара. Это был человек. Высокий, облаченный в тяжелую броню из черного композита, которая казалась здесь, среди легких стеклянных конструкций, пережитком варварской эпохи. На его плече тускло мерцал герб — сжатая спираль, вписанная в око. Служба Континуума.

Его взгляд был тяжелым, свинцовым. Он сканировал ее не приборами — он смотрел прямо в душу, и то, что он там видел, ему категорически не нравилось.

— Ваши документы, — произнес он. Слова падали в звенящую тишину перрона, как камни.

Ксения открыла рот, чтобы ответить, но горло перехватило спазмом. Документы? У нее не было ничего, кроме черного компаса, который теперь стал частью ее собственной нервной системы. На ней было платье из синтетического волокна, которое она подобрала в автомате выдачи на выходе из узла. Грубая земная ткань казалась наждачной бумагой на фоне ее новой, чувствительной кожи. Она выглядела как сумасшедшая. Как беглянка.

— Я... я потеряла их, — голос прозвучал тонко, по-детски. Совсем не так, как должен звучать голос Наблюдателя. — Там, в поезде.

Патрульный прищурился. Его напарник, стоявший чуть поодаль, медленно начал обходить Ксению по дуге, отрезая путь к путям.

— Потеряла? — переспросил первый. В его голосе не было злости. Только бесконечная, профессиональная усталость. — В секторе А-7 зафиксирован всплеск энтропии. Несанкционированный прокол. Вы находились в радиусе поражения.

Он сделал шаг вперед. Тяжелый ботинок гулко ударил по мрамору.

— Пройдемте с нами. Вам нужно пройти деактивацию остаточного резонанса. Это для вашей же безопасности.

Деактивация. Слово повисло в воздухе, пахнущее стерильностью, болью и безвозвратностью. Они заберут ее свет. Превратят обратно в кусок мяса и костей, а затем, вероятно, изолируют, чтобы она не «дестабилизировала континуум».

Ксения сделала шаг назад. Инстинкт, древний, животный, кричал: «Беги».

Она посмотрела на край платформы. Там, внизу, по рельсам струились не поезда, а потоки магнитной индукции. Если она прыгнет, если позволит гравитации подхватить ее...

— Стоять, — рявкнул патрульный, заметив ее взгляд.

И в этот момент из толпы, текущей к посадочным капсулам, вынырнул он.

Он не выделялся. В этом и был его главный талант. Обычное лицо, которое мозг отказывается запоминать: чуть взъерошенные русые волосы, легкая щетина, простая серая куртка из грубой шерсти, которая совершенно не вязалась с высокотехнологичным окружением. Ему было не больше двадцати пяти.

Евгений.

Он не смотрел на патрульных. Он смотрел прямо на Ксению. И в его глазах не было удивления. Только спокойное, почти пугающее понимание.

Он подошел к ней вплотную, вторгаясь в ее личное пространство так нагло, что патрульные на секунду замерли от такой дерзости.

— Прости, я опоздал, — сказал он Ксении. Его голос был низким, с легкой хрипотцой, и в нем звучала такая искренняя, бытовая досада, что Ксения на мгновение поверила в этот театр. — Автобус в пробке застрял. Я же говорил, нужно было на аэротакси. Мама нас убьет, мы опоздали на регистрацию.

Он схватил Ксению за руку. Его пальцы были теплыми, почти горячими. Живыми.

Ксения замерла. От него пахло озоном, дешевым кофе и чем-то неуловимо родным, земным.

— Отпусти гражданку, — голос патрульного снова обрел стальную твердость.

Евгений медленно повернул голову. Он посмотрел на офицера снизу вверх, но во взгляде парня было столько ленивого превосходства, что патрульный невольно сделал полшага назад.

— Мы опаздываем на рейс до Алькора, офицер, — Евгений говорил вежливо, даже заискивающе, но каждое слово сочилось ядом. — Невестка на девятом месяце. Вы же не хотите, чтобы ребенок родился прямо в зоне досмотра? У вас тут бюрократия такая, пока форму 12-Б заполните, воды отойдут.

Он начал мягко, но настойчиво оттеснять Ксению назад, в толпу.

— Ваши документы, — повторил патрульный, но уверенности в его голосе поубавилось. Сектор А-7 был зоной аномалий. Связываться с беременной невесткой, которая вот-вот родит, в его утренний график явно не входило.

— В левом кармане, — отмахнулся Евгений. — Девушка, скажи ему, где наши документы! У тебя же сумочка!

Он больно ткнул Ксению локтем в бок, возвращая ее в реальность.

Ксения моргнула. Театр абсурда. Этот парень, обычный, земной, пахнущий пылью, только что спас ее от службы Континуума, прикрываясь беременной невесткой, которой не существовало.

— Да, — выдохнула она, подыгрывая. Голос все еще дрожал, но теперь от адреналина. — Они у мужа. Он... он пошел в уборную.

— Вот! — Евгений торжествующе указал на уходящий поток людей. — Видите? Уборная. Третий триместр, понимаете? Почки.

Патрульный тяжело вздохнул. Его напарник уже отвернулся, потеряв интерес.

— Чтобы через пять минут были на регистрации, — бросил он. — И если вы из сектора А-7, советую пройти медблок. Радиация шуток не любит.

— Обязательно! — крикнул Евгений им вслед, а затем, не меняя лица, резко дернул Ксению за руку, увлекая за собой в узкий служебный коридор, мимо которого они только что прошли.

Они бежали. Коридор был узким, пахнущим озоном и горячим металлом. Евгений тащил ее за собой, петляя между какими-то гудящими трансформаторами.

— Сюда, — он толкнул неприметную дверь, больше похожую на вентиляционный люк.

Они вывалились наружу.

Здесь был Нижний Город.

Если транспортный узел сиял стерильной чистотой, то здесь царил хаос. Небо закрывали многоуровневые эстакады, с которых капала какая-то маслянистая жидкость. В воздухе висел смог, пахнувший жареным мясом, озоном и отчаянием. Вокруг сновали сотни людей: торговцы с лотками светящихся грибов, курьеры на магнитных досках, нищие, закутанные в лохмотья из старых голографических баннеров.

Евгений захлопнул люк. Повернул тяжелую задвижку.

И только тогда Ксения заметила, как сильно дрожат его руки.

Он прислонился спиной к грязной стене, запрокинул голову и расхохотался. Это был смех облегчения, граничащего с истерикой.

— Божечки-кошечки, — выдохнул он, вытирая выступившие на глазах слезы. — Ты бы видела свое лицо. Как у лемура, которого спросили таблицу умножения.

Ксения медленно сползла по стене рядом с ним. Ноги, привыкшие к левитации, отказывались держать вес в обычном режиме. Адреналин отступал, оставляя после себя ватную слабость и звон в ушах.

— Они бы меня... — начала она, но горло снова перехватило.

— Деканнулировали, — кивнул Евгений, мгновенно став серьезным. Он достал из внутреннего кармана куртки плоскую флягу. — Выпей. Это местный бренди. Гадость, но мозги на место ставит.

Он протянул ей флягу. Ксения взяла ее. Стекло было холодным и липким. Она сделала глоток. Жидкость обожгла пищевод, разливаясь по венам жидким огнем. Это была самая земная вещь, которую она почувствовала за последние сутки.

— Спасибо, — прошептала она, возвращая флягу. Пальцы их соприкоснулись.

Ксения вздрогнула. От него шел жар. Не физический — эмоциональный. Он был как открытая печь после стерильного холода Архитектуры.

— Не за что, — Евгений убрал флягу. Он смотрел на нее в упор, и его взгляд больше не был насмешливым. Он был острым, сканирующим, почти болезненным. — Ты не местная.

Это был не вопрос.

Ксения попыталась сыграть удивление, но мышцы лица, привыкшие к перламутровой неподвижности новой кожи, плохо слушались.

— О чем ты? — голос прозвучал неестественно высоко. — Я просто... из нижнего кольца.

— Нижний кольцо? — Евгений тихо фыркнул. — Девушка, у тебя на шее след от воротника. Белый. Ты носишь что-то синтетическое, что не пропускает фотонную эмиссию. В Нижнем кольце дети рождаются с татуировками нейроинтерфейса. А у тебя кожа... — он наклонился ближе, и Ксения почувствовала его дыхание на своей щеке. — Ты светишься изнутри, когда злишься. Как перегоревшая лампа.

Ксения инстинктивно отпрянула. Прижалась лопатками к холодной стене.

— Я не понимаю, о чем ты, — солгала она.

Евгений тяжело вздохнул. Он провел рукой по лицу, размазывая по щеке слой городской грязи.

— Ладно, — сказал он устало. — Хочешь играть в шпионов — играй. Только учти, Континуум не любит игры. Тот патруль... они не за документами шли. Они шли за «эхом». Твой прокол в А-7 оставил след. Радиационный, гравитационный, называй как хочешь. Они бы забрали тебя в Лабиринт. А оттуда не возвращаются прежними.

Он смотрел на нее с какой-то горькой жалостью.

— Ты ведь только что оттуда, да? Из-за Грани.

Удар пришелся точно в цель. Ксения почувствовала, как к глазам подступают горячие, совершенно человеческие слезы. Она моргнула, и две капли сорвались вниз, прочертив дорожки на ее щеках.

— Я просто хотела домой, — прошептала она. — Я была в подвале. Там была кость. И свет. А потом... деревья, которые растут вниз. И они хотели забрать мой свет.

Она закрыла лицо руками. Плечи затряслись в беззвучном рыдании. Вся абсурдность, весь ужас последних часов, вся боль потери собственного тела — все это прорвалось наружу грязным, уродливым потоком.

Евгений не отшатнулся. Он не стал ее утешать фальшивыми словами. Он просто сел ближе. Так близко, что их плечи соприкоснулись. И его тепло стало для нее якорем.

— Тише, — сказал он очень тихо, почти в самое ухо. — Здесь, внизу, Континуум слеп. Но у них есть уши. Плачь про себя.

Ксения кивнула, не отнимая рук от лица. Она дышала, пытаясь успокоить бешено колотящееся сердце.

— Как тебя зовут? — спросил он после долгой паузы.

— Ксения, — она опустила руки. Лицо горело. — А тебя?

— Евгений, — он слабо улыбнулся краешком губ. — Для друзей — Женька. Но друзей у меня нет. Слишком опасная профессия.

— Профессия? — Ксения вытерла слезы тыльной стороной ладони. — Ты не курьер. И не торговец грибами.

— Я — мусорщик, — Евгений усмехнулся, но в глазах стояла сталь. — Собираю то, что выпадает из дыр в реальности. Кусочки твоего мира. Старые газеты. Пластиковые бутылки. Иногда — людей.

Он достал из кармана куртки предмет, завернутый в промасленную тряпку. Развернул.

На свету блеснуло стекло. Обычная бутылка из-под кефира. Советская, с широким горлышком и серебристой крышкой.

— Выпала вчера из разлома в доках, — сказал он, бережно заворачивая ее обратно. — Молоко еще даже не прокисло. Знаешь, Ксюша, в твоем мире потрясающие технологии консервации.

Он посмотрел на нее. Взгляд его был тяжелым, полным знания, которого у двадцатипятилетнего парня быть не должно.

— Ты искала способ вернуться, — сказал он. — Я видел, как ты смотрела на небо у узла. Ты пыталась поймать вектор.

Ксения сглотнула ком в горле.

— Да.

— Забудь, — Евгений произнес это слово мягко, но оно ударило ее сильнее, чем дубинка патрульного. — Дверь закрылась. Тот механизм... он работает как клапан. Впускает, но не выпускает. Энергетический баланс. Если ты вошла сюда физически, твой слепок остался там. Чтобы вернуться, тебе нужно найти свой слепок и слиться с ним. А это... — он покачал головой. — Это аннигиляция. Вспышка, которую заметит весь Сектор. Тебя распылит на атомы.

Надежда, которая тлела в ней крошечным угольком, погасла, оставив после себя холодную, звенящую пустоту.

— Тогда я застряла здесь, — голос Ксении был пустым.

— Ты застряла здесь, — подтвердил Евгений. — И это очень плохо.

— Почему? — она повернула к нему голову. — Потому что я свечусь?

— Потому что ты — маяк, — он посмотрел на небо, затянутое смогом. — Твоя сингулярность... она нестабильна. Ты как радиомаяк, работающий на запрещенной частоте. Континуум не успокоится, пока не найдет тебя. А когда найдет... они не будут предлагать кресло из лиан. Они просто вырежут кусок пространства вместе с тобой.

Он поднялся на ноги, отряхивая куртку от пыли. Протянул ей руку.

— Вставай.

Ксения посмотрела на его ладонь. Широкая, мозолистая, абсолютно земная.

— Куда мы?

— Ко мне, — просто ответил он. — У меня есть подвал. Хороший, глубокий подвал. Толстые стены. Континуум не видит сквозь старый кирпич. Переждешь суматоху. А потом... потом будем думать, как сделать так, чтобы ты не сгорела в первую же неделю.

Ксения вложила свою руку в его.

Его хватка была крепкой. Надеждой.

Они пошли по узкой, заваленной мусором улочке. Ксения старалась ступать след в след за Евгением. Вокруг кипела жизнь Нижнего Города: кто-то торговал ворованными воспоминаниями, кто-то жарил мясо существ, которых не должно существовать. Но Ксения видела только его профиль. Резкую линию подбородка, тень от ресниц, то, как он инстинктивно прикрывает ее плечом от проезжающих мимо магнитных платформ.

— Почему ты помог мне? — спросила она, когда шум толпы немного остался позади. — Там, на перроне. Ты рисковал. За подделку документов или сопротивление Континууму отправляют на рудники.

Евгений остановился. Обернулся. Они стояли под вывеской, мигавшей кислотно-зеленым светом: «Синтетические сны. Дешево».

— Потому что я знаю, каково это, — сказал он тихо. Его голос потерял всю свою насмешливость, став обнаженным нервом. — Чувствовать, что воздух вокруг тебя — чужой. Что гравитация давит не так. Что люди смотрят сквозь тебя, потому что ты вибрируешь на другой частоте.

Он сделал шаг к ней, сокращая расстояние до интимного.

— Я родился здесь, Ксения. Мои родители были контрабандистами. Они застряли в этом слое за месяц до моего рождения. Я никогда не видел дождя. Настоящего, земного дождя. Я читал о нем в книгах, которые отец приносил из разломов. Я знаю наизусть запах мокрого асфальта, хотя моя обувь никогда его не касалась.

Он протянул руку и осторожно, почти невесомо, коснулся ее щеки. Его палец был шершавым и теплым.

— Когда я увидел тебя... — он запнулся, подбирая слова. — Ты пахнешь озоном и паникой. Ты смотришь на этот мир глазами человека, который ждет, что сейчас зажжется свет и официант принесет счет. Ты — самое живое, что я видел за последние пять лет в этом пластиковом море.

Ксения закрыла глаза, прижимаясь к его ладони. Поцелуй не состоялся. Но в этом прикосновении было больше близости, чем в любой ночи страсти. Это было признание. Узнавание родственной души в толпе призраков.

— Это больно, Жень, — прошептала она, не открывая глаз. — Быть живой здесь.

— Знаю, — он убрал руку, но тепло ее осталось на коже Ксении. — Поэтому мы идем ко мне. Выпьем еще бренди. И будем молчать.

Они свернули в темный, пахнущий сыростью и кошками двор. Поднялись по скрипучей железной лестнице на третий этаж.

Квартира Евгения была тесной. Одна комната, служившая всем сразу. В углу — гора старых, пожелтевших газет на русском языке. На стене — голографический проектор, транслирующий статичные помехи. Посреди комнаты — продавленный диван, накрытый пледом из грубой шерсти.

— Проходи, — он кивнул на диван. — Чувствуй себя как дома. Насколько это возможно.

Ксения села. Диван был жестким, неудобным. И это было прекрасно. Боль в пояснице напомнила ей, что у нее есть кости. Настоящие, углеродные кости, которые Евгений так отчаянно защищал от деканнуализации.

Евгений скрылся в крошечной кухне. Зазвенело стекло.

— Держи, — он протянул ей стакан с темной жидкостью. — Иними это.

Он кивнул на ее платье из синтетики.

Ксения посмотрела на себя. Ткань действительно начала коробиться, покрываясь мелкими трещинами. Она стянула платье через голову, оставшись в одном белье.

В комнате повисло неловкое молчание.

Евгений стоял в двух шагах, держа в руках бутылку. Он смотрел на нее. Не как мужчина на женщину, хотя в этом взгляде тоже было желание. Он смотрел на нее как на чудо. Как инженер смотрит на работающий вечный двигатель, который по всем законам физики должен стоять.

— Ты идеальная, — выдохнул он. — Даже сейчас. Твоя кожа... она ловит свет от моего проектора и рассеивает его.

— Это дефект, — тихо сказала Ксения, обхватывая себя руками за плечи. Ей стало холодно и стыдно. — Побочный эффект интеграции.

— Это красиво, — возразил Евгений. Он подошел к ней. Опустился на корточки перед диваном, чтобы их лица оказались на одном уровне. — Все, что в тебе есть — от смеха до этого свечения — это преступление против их порядка.

Он наклонился еще ближе. Ксения чувствовала тепло его дыхания.

— Оставь это, — прошептал он. — Свою идеальную осанку Наблюдателя. Свою холодность. Здесь, со мной, ты можешь просто быть человеком.

Его губы коснулись ее.

Это не был умелый, страстный поцелуй. Это было жадное, отчаянное соприкосновение двух одиночеств. Евгений пил ее дыхание, как путник пьет воду в пустыне. Его руки запутались в ее волосах, притягивая ее ближе, сминая ее хрупкую человеческую плоть.

Ксения ответила. Она вцепилась в его куртку, вжимаясь в него, пытаясь впитать его тепло, его земную, неправильную, пульсирующую жизнь. Она целовала его, чтобы забыть вкус озона. Чтобы стереть из памяти хрустальные глаза медуз и холодный голос Архитектуры.

— Осторожно, — выдохнул он ей в губы, когда его руки скользнули по ее спине, касаясь мест, где перламутровая кожа была особенно чувствительной. — Ты сейчас светишься так, что нас видно из космоса.

Ксения тихо рассмеялась. Впервые за эти бесконечные сутки смех был искренним.

— Пусть смотрят, — прошептала она.

Они упали на диван. Шерстяное одеяло кололо кожу, но это ощущение было слаще любого шелка. Это была реальность. Грубая, несовершенная, пахнущая пылью и мужчиной.

Евгений целовал ее шею, его щетина царапала ее светящуюся кожу, оставляя красные следы.

— Я не должен был, — пробормотал он между поцелуями, пытаясь отстраниться, чтобы заглянуть ей в глаза. — Это опасно. Твоя частота... она нестабильна. Если мы... если резонанс усилится...

— Мне все равно, — Ксения взяла его лицо в ладони. Она смотрела в его глаза — карие, земные, полные тревоги. — Я чуть не стала стеклом, Жень. Позволь мне побыть человеком. Хотя бы одну ночь.

И он сдался.

Тревога в его глазах сменилась огнем. Он снова припал к ее губам. Его руки больше не были осторожными. Он изучал ее тело — не как Наблюдатель изучает аномалию, а как слепой заново изучает мир. Он касался ее ребер, ее талии, ее бедер, и Ксения выгибалась навстречу его ладоням, издавая тихие, задушенные стоны.

Это было больно. И это было правильно. Боль в растянутых мышцах, тяжесть его тела, сбившееся дыхание — это были якоря.

Когда все закончилось, они лежали в тишине, слушая гудение старого холодильника на кухне. Евгений гладил ее по волосам. Ксения положила голову ему на грудь. Она слушала стук его сердца. Ровный, сильный, ритмичный.

— У тебя шрам, — прошептала она, проводя пальцем по старой белой полоске под его левым соском.

— Падение в разлом, — сонно ответил он. — В ваш мир. Упал с третьего этажа. Думал, разобьюсь. А там была куча снега. Мягко приземлился.

Ксения улыбнулась.

— Мой мир, — эхом повторила она. — Он кажется теперь таким... плоским.

— Он настоящий, — Евгений крепче прижал ее к себе. — А это, — он обвел рукой комнату, — просто декорация. Пыльная сцена.

Ксения закрыла глаза. Впервые за долгое время она чувствовала себя в безопасности. Не под защитой Архитектуры, а просто... спрятанной.

— Жень, — позвала она.

— Мм?

— Ты сказал, пересечение миров запрещено.

Он напрягся под ней. Его рука на ее спине замерла.

— Да.

— Почему?

Евгений долго молчал. Ксения уже подумала, что он заснул, когда он заговорил. Голос его стал глухим, тяжелым.

— Потому что мы — вирус, Ксюша. Ты, я, мои родители. Все, кто падает в эти дыры. Мы приносим с собой энтропию. Наши эмоции, наши желания, наши страхи... они разрушают структуру этого слоя. Этот мир держится на строгой геометрии. На отсутствии случайностей. А любовь? — он горько усмехнулся. — Любовь — это самая большая ошибка в расчетах. Она создает гравитационные аномалии.

— Ты поэтому помог мне? — спросила Ксения, не поднимая головы. — Из-за ошибки в расчетах?

— Я помог тебе, потому что увидел в толпе отражение своего одиночества, — он поцеловал ее в макушку. — Но Континуум... они не сентиментальны. Они считают, что если закрыть все разломы, если выжечь всех «эхо» вроде нас, их мир станет стабильным. Вечным.

— Они боятся нас, — прошептала Ксения.

— Они боятся того, что мы можем сделать, — поправил Евгений. — Парадокс, Ксюша. Мы бежим из своих идеальных, стерильных миров, чтобы почувствовать боль. А они готовы убивать, лишь бы этой боли не чувствовать.

Ксения лежала, впитывая тепло его тела. За окном Нижний Город жил своей грязной, шумной жизнью. Но здесь, на этом продавленном диване, под шерстяным одеялом, время остановилось.

Она нашла союзника. Мужчину, который пах пылью и тоской. Мужчину, который целовал ее светящуюся кожу так, словно она была самым дорогим сокровищем в его коллекции из чужих миров.

Но вместе с этим теплом в душу вползал холодный страх.

Континуум ищет маяк. И пока она лежит в объятиях Евгения, она подвергает его опасности. Каждое ее биение сердца, каждая вспышка ее «дефектной» кожи — это сигнал для патрулей.

— Нам нужно уходить из города, — сказала она тихо.

— Куда? — Евгений тоже не спал. Его голос был напряженным. — Везде их сенсоры.

— Вверх, — Ксения подняла голову, глядя ему в глаза. — Ты сказал, твой отец приносил книги из разломов. Значит, есть места, где граница тоньше. Где физика трещит по швам.

— Зона Отчуждения, — Евгений нахмурился. — Старый купол. Там радиация выжгла все сенсоры. Но там и выжить невозможно. Свод дышит. Гравитация там... сворачивается в узлы.

— Я Наблюдатель, — Ксения коснулась своей груди, где под кожей тек свет. — Я могу выдержать сворачивание. А ты... ты мусорщик. Ты умеешь ходить по краю.

Евгений смотрел на нее долго, изучающе. Затем его лицо медленно озарила улыбка — широкая, хищная, совершенно безумная.

— Ты предлагаешь самоубийственную вылазку в самое сердце нестабильности, — сказал он. — Чтобы спрятаться от полиции.

— Я предлагаю найти место, где мы сможем дышать, — ответила Ксения. — Где я смогу светиться, а ты не будешь бояться, что нас распылят.

Евгений рассмеялся. Тихо, утробно.

— Сумасшедшая, — прошептал он, притягивая ее для поцелуя. — Абсолютно, безнадежно сумасшедшая.

— Это мой главный талант, — улыбнулась она в его губы.

За окном начало светать. Смог окрасился в грязно-розовый цвет.

Ночь закончилась. Начиналась война за право быть человеком в мире идеального стекла. И Ксения, прижимаясь к плечу контрабандиста из Нижнего Города, чувствовала, как внутри нее просыпается не Наблюдатель, а хищник. Уставший, потерянный, но готовый рвать глотку за каждый вздох в этом чужом небе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.